

Подарена Ея Сіятельствомъ Графинею С. В. Строгановою

С. Пестряковъ

въ Іюнѣ 1843 г.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

СТРОГАНОВЪ.

Взято изъ журнала: Современникъ (Т. XXXI.), издаваемаго П. А. Плетневымъ.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ.

Послѣ имени Ивана Ивановича Шувалова ничье имя изъ частныхъ лицъ не произносится Рускими литераторами и художниками съ такою любовію и благодарностію, какъ имя Графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ свое время тотъ и другой были Русскими Меценатами. Ихъ благородная, прекрасная дѣятельность устремлена была по-преимуществу на распространеніе въ отечествѣ изящной образованности и совершеннѣйшаго вкуса. Не напрасно счастіе возвело ихъ на такую степень знаменитости и высоты гражданской, гдѣ они удостоились быть посредниками между Престолодержавіемъ и нуждами людей, посвящавшихъ себя безкорыстному служенію музъ. Въ сочиненіяхъ Ломоносова и даже Державина мы съ умиленіемъ встрѣчаемъ имя Шувалова, ихъ непосредственнаго покровителя. Ему же служатъ памятниками Императорскій Московскій Университетъ и Санктпетербургская Императорская Академія Художествъ. Неоцѣненное сокровище Академіи Художествъ, слѣпки со всѣхъ древнихъ статуй, эти безсмертные образцы, по кото-

рымъ образовались и еще будутъ образоваться наши художники, было его же послѣднимъ приношенiемъ пользѣ общественной.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ вступилъ на поприще гражданской дѣятельности въ царствованiе Императрицы Елисаветы Петровны. Еще недавно разобранъ въ Санктпетербургѣ на Невскомъ проспектѣ двуэтажный каменный домикъ (подлѣ дома, принадлежащаго нынѣ Казанскому собору), куда сама Императрица изволила прибыть, чтобы отцу А. С. Строганова предложить соединенiе бракомъ молодаго, девятнадцатилѣтняго сына его съ единственной дочерью тогдашняго Канцлера Графа Воронцова, что и послѣдовало по прибытiи Александра Сергѣевича изъ-за границы. Кончина супруга Императрицы Марiи-Терезы представила случай А. С. Строганову опять отправиться за границу. Онъ посланъ былъ въ Австрiю для изъявленiя вдовѣ-императрицѣ того участiя, которое Россiйской Дворъ принималъ въ ея горестной потерѣ. Марiя-Тереза, въ ознаменованiе благоволенiя своего къ посланному, пожаловала ему титло Графа Нѣмецкой Имперiи. Приготовленный отличнымъ воспитанiемъ, которое довершено было внимательнымъ наблюденiемъ нравовъ и просвѣщенiя въ другихъ земляхъ во время его путешествiя, Графъ Александръ Сергѣевичъ предался со-всею юношескою страстiю развитiю въ отечествѣ словесности и художествъ. Тогда воздвигалъ въ Санктпетербургѣ генiальныя зданiя

знаменитый Графъ Растрелли. Ему фамилія Строгановыхъ обязана планомъ этаго истинно-вельможескаго дома, который до сихъ поръ у Полицейскаго моста служитъ и украшеніемъ Невскаго проспекта и памятникомъ Елисаветинскаго вѣка. Новое жилище Графа Александра Сергѣевича скоро сдѣлалось истиннымъ храмомъ вкуса и мѣстомъ соединенія всѣхъ, кто только любилъ изящное. Какъ роскошно и выразительно представляетъ Державинъ въ своихъ стихахъ это жилище вельможи, покровителя художниковъ!

«Наполнилъ грудь восторгъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ потаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ весельи сердце утопаетъ,
Какъ будто бога ощущаетъ,
Присутствующаго со мной:
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Тифона
Божественной своей стрѣлой;
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ;
Ужасная змія зіяетъ
И въ мигъ свой испущаетъ духъ, и проч.»

Здѣсь наконецъ образовались картинная галлерея, библіотека и хранилище манускриптовъ — собранія, достойныя даже владѣтельныхъ особъ. Въ продолженіе слѣдующихъ за симъ четырехъ царствованій

Графъ Александръ Сергѣевичь пользовался милостями Царственныхъ Особъ, и сохранилъ свои Лукулловскіе способы къ благотворной дѣятельности на благо общее, и — что конечно всего драгоцѣннѣе — неизмѣнную любовь къ участію въ трудахъ талантовъ. Не въ одной Россіи произносилось съ уваженіемъ имя Строганова: многіе изъ государей западной Европы изъявляли ему письменно знаки своего дружелюбія и почтенія. Въ собраніи рѣдкихъ манускриптовъ, сохраняющихся въ домѣ Строгановыхъ, есть собственноручныя письма королей Французскихъ.

При Императрицѣ Екатеринѣ II, въ первый годъ послѣ вступленія Ея Величества на престолъ, Графъ Александръ Сергѣевичь Строгановъ пожалованъ былъ въ Каммергеры Высочайшаго двора, черезъ шесть лѣтъ произведенъ въ Тайные, а спустя одиннадцать въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники. Императоръ Павелъ Петровичь, по вступленіи на престолъ, произвелъ его въ Оберъ-Каммергеры и пожаловалъ ему титло Графа Россійской Имперіи. Кончина Графа Александра Сергѣевича послѣдовала при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, 27 Сентября 1811 года. Ни почести, ни богатства, ни даже лѣта не измѣнили въ немъ прекраснаго характера и тѣхъ возвышенно-чистыхъ правилъ, которыми онъ всегда руководствовался въ жизни. Императрица Екатерина Алексѣевна, по своей столь извѣстной

любви ко всему, что доставляло блескъ и славу Россіи и что расширяло въ ней кругъ свѣтлыхъ идей, признавала въ Строгановѣ одного изъ лучшихъ сподвижниковъ своихъ на поприщѣ мысли и вкуса. Государь Павелъ Петровичь отличалъ его всѣми знаками своего дружелюбія, удостоивая его обхожденія искренняго и ласковаго. Императоръ Александръ Павловичь дѣлилъ съ нимъ высокіе свои планы, когда предпринималъ преобразованіе администраціи, особенно что касалось до успѣховъ наукъ и художествъ.

Какъ Президентъ Академіи Художествъ, Строгановъ по-справедливости долженъ быть названъ истиннымъ образователемъ и вдохновителемъ тѣхъ знаменитыхъ художниковъ нашихъ, которые явились у насъ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Доступный каждому изъ нихъ во всякое время, знатокъ ихъ дѣла, участникъ и совѣтникъ въ ихъ предпріятіяхъ, ходатай передъ Престоломъ, помощникъ въ нуждѣ, кроткой и теплой души человѣкъ, онъ не только не отвергъ просьбы ни одного художника, но и не пренебрегъ ни однимъ случаемъ, чтобы найти, ободрить талантъ и изъявить сочувствіе къ труду его. Это влеченіе къ искусствамъ сообщалось отъ него и тѣмъ лицамъ, которыя находились съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ. Преемникъ его по Академіи Художествъ, А. Н. Оленинъ, котораго онъ удостоивалъ дружбы своей, ко-

нечно много отъ него заимствовалъ въ постоянномъ стремленіи своемъ ко всему, что касалось до литературы и художествъ. При образованіи Министерства Просвѣщенія, этой блестящей эпохѣ для наукъ въ Россіи, Графъ Александръ Сергѣевичь назначенъ былъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ — и ему же поручалась должность во время отсутствія Попечителя Санктпетербургскаго Учебнаго Округа. Мѣсто нынѣшняго здѣсь Университета занималъ тогда такъ называвшійся Императорскій Педагогическій Институтъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Строгановъ принесъ и ему послѣднюю дань того усердія и неизмѣннаго участія, которымъ всю жизнь такъ полна была душа его къ распространенію въ отечествѣ добра и свѣта.

Изъ литераторовъ, современныхъ Графу А. С. Строганову, конечно не было ни однаго, который бы не пользовался его вниманіемъ, благорасположеніемъ и дружескими пособіями. До сихъ поръ самое трогательное о немъ воспоминаніе сохраняется въ устахъ и сердцѣ Ивана Андреевича Крылова, который между нами одинъ остался знаменитымъ представителемъ тѣхъ временъ. Есть еще въ литературѣ нашей неизмѣнный памятникъ въ честь и славу Графа А. С. Строганова. Мы имъ обязаны незабвенному переводчику Иліады. Гнѣдичь еще успѣлъ вкусить это счастіе, которое доставляетъ высоко-образованной душѣ бесѣда и участіе въ ея трудахъ истиннаго цѣни-

теля изящныхъ искуствъ. Прибывши изъ Московскаго Университета на службу въ С. Петербургъ, Гнѣдичъ, молодой человѣкъ, безъ покровительства, никѣмъ незнаемый, скоро открытъ былъ Строгановымъ. Домъ вельможи сдѣлался родственнымъ пріютомъ еще мало-извѣстному поэту. До конца жизни своей Гнѣдичъ не могъ говорить о Строгановѣ безъ энтузіазма и слезъ. Въ сердцѣ признательнаго поэта нѣсколько лѣтъ зрѣла мысль—освятить чѣмъ-нибудь достойнымъ и поэзіи и Строганова память о сближеніи бѣднаго человѣка съ вельможею. И вотъ наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Графа Александра Сергѣевича, Гнѣдичъ кончилъ и напечаталъ свою идиллію: Рыбаки, идиллію, которою восхищался самъ взыскательный Пушкинъ. Въ ней всякой узнаетъ и загородный домъ Строганова, и его общество, и наконецъ его самаго съ этою неизмѣнною любовію къ искуству.

У Графа А. С. Строганова, отъ втораго брака его съ Княжною Трубецкой, былъ единственный сынъ Графъ Павелъ Александровичъ. Можно вообразить, сколько радостныхъ надеждъ и сколько чистыхъ благословеній носилось надъ этимъ юношею. Счастливый отецъ, еще при жизни своей, соединилъ его бракомъ съ Княжною Софіею Владиміровною Голицыной. Одинъ внукъ, Графъ Александръ Павловичъ, и четыре внуки, какъ залогъ неизмѣннаго счастія, уже обрадовали сердце дѣда,

который покидалъ міръ, не утративъ любви къ людямъ и полный благодарности къ Провидѣнію. Но чѣмъ выше ступень, на которую ставитъ насъ отечество, тѣмъ неотвратимѣе жертвы, которыхъ оно поправу требуетъ отъ насъ. Графъ Александръ Павловичь Строгановъ, въ особѣ котораго сливались всѣ сладостныя ожиданія знаменитаго дома Графовъ Строгановыхъ, двумя только годами пережилъ своего дѣда. Этотъ прекрасный юноша, единственный наслѣдникъ доблестей, имущества и самаго титла дѣда своего, принесъ въ жертву отечеству цвѣтущую жизнь свою и все, что къ ней должно было его привязывать. Въ отечественную войну, передъ стѣнами Парижа, онъ палъ въ рядахъ героевъ, защищавшихъ права и честь народовъ Европы. Графъ Павелъ Александровичь, отецъ его, пораженный горестію, не въ состояніи былъ перенести ужасной утраты: скоро послѣдовалъ и онъ за своимъ отцемъ и сыномъ. И вотъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, украшеніе Россіи, семейство Графовъ Строгановыхъ опустѣло, какъ бы въ оправданіе страшной истины, произнесенной Шиллеромъ:

«Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!»

Когда нынѣ посѣтите вы въ С. Петербургѣ этотъ историческій домъ, гдѣ каждая картина, каждая статуя невольно перенесетъ воображеніе ваше въ эпоху минувшаго, столь блестящаго и утѣшительна-

го для души, васъ встрѣтитъ въ немъ посреди ненарушимой тишины одинокое существо, которое, съ вѣрою предавшись Провидѣнію, живетъ не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ. Это Графиня Софія Владиміровна Строганова, невѣстка Графа Александра Сергѣевича, обращающая въ подражаніе знаменитому свекру своему всѣ избытки достоянія на распространеніе общеполезныхъ знаній между разными классами согражданъ. Кромѣ супруга и сына, судьба у нея отняла еще и дочь, Графиню Ольгу Павловну Ферзенъ. Такимъ образомъ, душою своею болѣе принадлежа другому міру, она здѣсь напоминаетъ о себѣ обществу только своими благотвореніями да тремя дочерьми, которыхъ умъ и добрыя качества увѣковѣчиваютъ въ молодомъ поколѣніи память незабвеннаго ихъ дѣда.

Если бы особенный случай, о которомъ сейчасъ будетъ упомянуто ниже, не заставилъ насъ расказать по памяти то, что въ ней сохранилось о Графѣ А. С. Строгановѣ, мы не осмѣлились бы представить читателямъ столь неполную и безцвѣтную біографію этаго историческаго лица. Въ историческихъ Словаряхъ нашихъ мы ничего не могли найти о немъ. Такимъ образомъ потомство съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе теряетъ воспоминанія, которыя были бы ему и назидательны и усладительны. Въ *Словарѣ Достопамятныхъ Людей Русской Земли* помѣщены коротенькія выписки изъ Исторіи Карамзина о

Яковѣ, Григоріи и Семенѣ Аникичахъ Строгановыхъ, да изъ Русскаго Вѣстника о *Петрѣ Семеновичѣ Строгановѣ*. Болѣе ни о комъ. О Графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ мы вызваны были что-нибудь сказать находкою драгоцѣнной бумаги, имъ писанной. Изъ нея видно, что онъ не только какъ вельможа и государственный человѣкъ, но какъ и помѣщикъ, въ высшей степени замѣчателенъ. *Предписаніе его Главному Пермскому Управителю* исполнено самыхъ высокихъ истинъ человѣколюбія, правосудія и справедливости. Оно намъ передано Е. П. Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ, который расказываетъ слѣдующее о своемъ открытіи.

Письмо Д. С. С. Егора Антоновича Энгельгардта къ Издателю Современника.

«При посѣщеніи моемъ въ 1830 году Пермской губерніи, я познакомился съ Управляющимъ имѣніемъ Графини С. В. Строгановой, Сергѣемъ Климовичемъ Сивковымъ. Все, что видѣлъ и слышалъ я единогласно отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, заставило меня въ моихъ путевыхъ запискахъ разсказать нѣкоторыя подробности объ немъ и дѣлахъ его и выразить искренное мое къ нему уваженіе. Попавшаяся, не знаю какимъ случаемъ, въ руки его 4-я Часть моихъ Russische Miscellen, въ коихъ помѣщены эти замѣчанія, доставила мнѣ удовольствіе

получить отъ почтеннаго старца Сергѣя Климовича письмо, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ:

«При покорнѣйшей моей благодарности за лест-«ные обо мнѣ отзывы, считаю однако долгомъ «объяснить, что тутъ сказано на счетъ мой очень «много похвалы свыше моихъ заслугъ. Я былъ «здѣсь только добросовѣстный исполнитель воли мо-«его незабвеннаго господина и благодѣтеля, по на-«ставленію, которое получилъ отъ Его Сіятельства, «назадъ тому лѣтъ 50, когда угодно ему было вве-«рить мнѣ управленіе здѣшнимъ имѣніемъ. Въ дока-«зательство того, почитаю священнымъ долгомъ пред-«ставить вамъ при семъ въ копіи этотъ благодѣтель-«ный и тѣмъ болѣе уважительный документъ, что «онъ, какъ видно, написанъ не для словеснаго предъ «свѣтомъ хвастовства, а просто по чувству сердца «боярскаго, въ руководство при управленіи счастли-«выхъ его подданныхъ. Покорнѣйше прошу, при «удобномъ случаѣ, помѣстить это драгоцѣнное нас-«тавленіе, какъ повѣрку и дополненіе къ прежнимъ «замѣчаніямъ вашимъ на мой счетъ...»

«Письмо это съ приложеніемъ я получилъ въ началѣ прошлаго (1842) года, но по сіе время не находилъ возможности прилично исполнить скромное желаніе добраго Сергѣя Климовича. Нынѣ появленіе книги: «*Именитые Люди Строгановы*», кажется, представляетъ удобной поводъ довести до всеобщаго

свѣдѣнія этотъ единственной, можетъ быть, въ своемъ родѣ документъ, выражающій столь превосходно душу и сердце достойнаго ихъ потомка, истиннаго Русскаго боярина, и составляющій точно пополненіе не къ моимъ малозначущимъ замѣткамъ, а къ труду г. Устрялова, остановившагося на 1772 годѣ, тогда-какъ и въ послѣдствіи было много Строгановыхъ, поддержавшихъ добрую славу сего почтеннаго имени. Кажется, Современнику прилично говорить о такихъ современникахъ; и такъ, вотъ вамъ и грамота и подробности о Сивковѣ. Въ прошлую осень, какъ я слышу, онъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ-благодѣтелемъ. Миръ праху ихъ!»

Е. Энгельгардтъ.

25 Апрѣля 1843.
С. Петербургъ.

Предписаніе Графа А. С. Строганова Главному Пермскому Управителю.

Сергѣй Климовъ!

Хотя первые опыты твоего ко мнѣ усердія и увѣряютъ, что ты истиннымъ долгомъ себѣ поставишь возложенное на тебя званіе Главнаго Пермскаго Управителя исправлять, какъ должно честному и мнѣ преданному человѣку; однако таковое усердіе тѣмъ правильнѣе и любезнѣе будетъ мнѣ, чѣмъ ближе подойдетъ къ моей волѣ, которую я на осно-

ваніи истиннаго человѣколюбія открываю въ слѣдующемъ тебѣ предписаніи.

Правило,

по которому долженъ поступать Главный Пермской Управитель.

1-е) Во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ и расположеніяхъ помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже сладкаго удовольствія принести не можешь, когда, хотя бъ до милліоновъ распространилъ мои доходы, но отягчилъ бы чрезъ то судьбу моихъ крестьянъ; въ такомъ случаѣ приказываю тебѣ всегда предпочесть моимъ выгодамъ выгоды тѣхъ людей, коимъ я долженъ и хочу быть болѣе отцемъ, нежели господиномъ. Усердіе безъ сего правила есть токмо подлое угожденіе господской гордости, изъ собственнаго своего честолюбія, въ чемъ нерѣдко человѣкъ и самъ себя обманываетъ; почему и должно таковыя въ себѣ движенія разсматривать безпристрастно и быть справедливымъ дѣлителемъ межъ угожденіемъ господину и успокоеніемъ крестьянъ его; что тѣмъ удобнѣе исполняется, когда угожденіе перваго соединено съ успокоеніемъ послѣднихъ, и когда любовь къ ближнему нечужда сердцу.

2-е) Человѣку честному и благоразумному, которому поручается судьба нѣсколькихъ тысячь людей,

должно быть восхитительно не то, что онъ облаченъ властію, столь обширною, но что имѣетъ случай толикому числу подобныхъ себѣ вспомогать христіански, и чѣмъ болѣе правленію его поручается оныхъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ находить нужды въ безпристрастіи, вѣдая, что малѣйшая упрямой его натуры наклонность есть величайшая уже на судѣ несправедливость; и такъ, я не сомнѣваюсь, что ты, имѣя въ виду сіе христіанское правило, будешь хранить во всякомъ сужденіи даже въ самомъ себѣ справедливость.

3-е) Всякой судъ между порученными тебѣ людьми конечно будетъ послѣдуемъ или оправданіемъ, или прощеніемъ, или наказаніемъ. Въ исполненіи всего онаго не меньше нужна добросердная, но благоразумная безпристрастность, какъ и въ самомъ сужденіи; ибо излишняя потачка превращаетъ человѣколюбіе въ слабость, влекущую за собою безпорядокъ; а излишняя строгость есть безразсудное, а иногда и злобное тиранство. Ничего нѣтъ слѣпѣе, какъ первое, и ничего нѣтъ подлѣе и скотообразнѣе послѣдняго; и такъ, дабы обѣихъ сихъ чрезвычайностей избѣгнуть, должно во всѣхъ случаяхъ остерегаться всячески слѣдовать личнымъ уваженіямъ, а смотрѣть лишь только на дѣло и забыть все, что бы могло тебя сдѣлать участникомъ въ состояніи подсудимаго, кромѣ общаго человѣколюбія. Наконецъ, употреблять прощенія и наказанія не только по сте-

пеніямъ проступковъ, но и по надеждѣ дѣйствія, какое могутъ имѣть то и другое на человѣка. Родъ же наказанія всегда справедливо будетъ употребляемъ, если будешь представлять оное не мщеніемъ какимъ-либо за вину, но паче средствомъ къ исправленію виновнаго, и при таковыхъ случаяхъ, чтобы меньше предъ Всевидящимъ Судіею согрѣшить, должно прибѣгать къ чувствамъ любви родительской, и представлять себѣ того несчастнаго какъ бы заблудшаго сына своего.

4-е) Должно замѣтить, что нигдѣ такъ мы удобнѣе не можемъ впасть въ несправедливость, какъ въ судѣ между самимъ собою и другимъ, а паче въ наказаніи за причиненныя намъ самимъ обиды; потому-то христіанство и обязываетъ насъ прощать врагамъ нашимъ. Да и нѣтъ ни въ чемъ блистательнѣе отличія, какое можетъ человѣкъ предъ прочими имѣть, какъ въ правилѣ—обиды забывать и прощать; если же бы обида была такаго рода, что для общаго порядка не должно пропустить ее, тогда благороднѣе судиться порядкомъ со своимъ подчиненнымъ, нежели самому онаго судить.

5-е) Истинный представитель благосостоянія толикаго множества людей, какое я тебѣ поручаю, имѣя всегда сердце открыто къ бѣдствіямъ вдовъ, сиротъ и угнетенныхъ бѣдностію, не ослабнетъ никогда въ своихъ трудахъ и попеченіяхъ о нихъ сос-

тоянія, почитая это себѣ честію, внутреннимъ удовольствіемъ и спасеніемъ; почему я надѣюсь, что и ты непремѣнно будешь наблюдать упокоеніе обремененныхъ несчастіями, отирать слезы вдовъ, прибѣжище давать безпомощному сиротству, а кольми же паче не подашь и повода къ какимъ-либо противъ тебя справедливымъ неудовольствіямъ: ибо быть справедливо любимымъ подобными себѣ нѣтъ превосходнѣе качества въ человѣкѣ. Исполненія сихъ правилъ тѣмъ съ большею ожидаю надеждою, что я довольно видѣлъ уже въ тебѣ признаковъ добросовѣстнаго человѣка; старайся угодить моему желанію и оправдать сдѣланный тебѣ мною выборъ; а я съ своей стороны ничего не пощажу для вознагражденія за столь достойные отличнаго человѣка труды.

Впрочемъ, ты долженъ точно поступать по приложеннымъ при семъ правиламъ, которыя навсегда останутся непремѣннымъ зерцаломъ и будущимъ впредь Пермскимъ Управителямъ и да будутъ въ Главномъ Правленіи всегда предъ глазами оныхъ.

На подлинномъ собственною Его Сіятельства рукою добавлено: «если всегда будешь человѣколю- «бивъ и честенъ, то и я всегда буду, какъ теперь, «твой другъ»

Графъ Александръ Строгановъ.

22 Февраля, 1786 года.

Выписка изъ Russische Miscellen о С. К. Сивковѣ *.

Нельзя представить себѣ мѣста угрюмѣе и скучнѣе Усолья. Я спѣшилъ, сколько можно, окончить всѣ здѣшнія дѣла мои и оставить это соленое гнѣздо. Но въ послѣдній вечеръ моего пребыванія здѣсь я сдѣлалъ такое открытіе, за которое вездѣ бы дорого заплатилъ.

Окончивъ скучную, дневную работу, пошелъ я пошататься по окрестностямъ, чтобъ между-прочимъ осмотрѣть каменную церковь, построенную на возвышеніи, и поразившую меня еще издали своею архитектурою, исполненною необыкновеннаго вкуса. Дорога моя лежала мимо однаго красиваго домика, стоявшаго недалеко оттуда; прекрасный садъ съ роскошнымъ цвѣтникомъ и прелестною бесѣдкою, сзади маленькая оранжерея, внутри картины въ золотыхъ рамахъ, шкафы съ книгами — все показывало образованнаго хозяина и походило на оазъ въ пустынѣ. «Кто живетъ въ этомъ хорошенькомъ домикѣ?» спросилъ я у однаго прохожаго. — Да кто же, какъ не Сергѣй Климовичъ? малый ребенокъ знаетъ его! — И я также зналъ его, хотя не лично, но по наслышкѣ. Это былъ Сивковъ, Главноуправляющій Графа Строганова. Вездѣ, между своими и чужими крестьянами, это имя произносилось часто и всегда съ любо-

* Въ печатныхъ экземплярахъ Сивковъ ошибкою названъ Александромъ Петровичемъ вмѣсто Сергѣя Климовича.

вію, уваженіемъ и благословеніями; только двое изъ его сослуживцевъ говорили о немъ, какъ о человѣкѣ гордомъ, надменномъ, удалявшемся отъ всякаго сообщенія съ другими людьми. Это еще болѣе утвердило меня въ моемъ добромъ о немъ мнѣніи, и я очень сожалѣлъ, что въ то самое время, какъ я пріѣхалъ въ Усолье, онъ былъ въ отлучкѣ, и такимъ образомъ я не могъ познакомиться съ нимъ. Тѣмъ болѣе обрадовался я теперь неожиданному случаю сдѣлать это знакомство. Собиравшіяся на небѣ тучи, предвѣщавшія грозу, доставили мнѣ прекрасный предлогъ начать дѣло, и вотъ я вошелъ на дворъ, гдѣ въ самую эту минуту какой-то старичекъ пріятной наружности въ желтомъ нанковомъ сертукѣ разговаривалъ съ работниками: это былъ Сивковъ. Едва сказалъ я ему нѣсколько словъ о томъ, что я путешественникъ и прошу у него убѣжища на время грозы, какъ онъ началъ благодарить меня за честь, оказанную его дому, и повелъ прямо въ комнаты. Эти комнаты были красивы и чисты, мебели въ нихъ просты, но всѣ сдѣланы съ чрезвычайнымъ вкусомъ, прекрасныя гравюры и живописныя картины, очень порядочная библіотека, минеральный кабинетъ, на окнахъ разныя иностранныя растенія въ горшкахъ — однимъ словомъ, я увидѣлъ себя въ жилищѣ человѣка съ утонченною образованностію. Это былъ тотъ Сивковъ, съ которымъ я провелъ чрезвычайно занимательный вечеръ. Наружность этаго старика внушаетъ искреннюю довѣрен-

ность къ нему; разговоръ его остроуменъ и живъ; на все у него свѣтлый практическій взглядъ, дѣятельная голова, и въ добавокъ — спокойное и зрѣлое сужденіе, что рѣдко встрѣчается у людей съ необыкновенно - живымъ нравомъ. Онъ въ одно и тоже время администраторъ, сельскій хозяинъ, архитекторъ, механикъ, минералогъ, землемѣръ, садовникъ, и кромѣ того имѣетъ такія ясныя и справедливыя понятія о высшемъ государственномъ управленіи, какъ будто бы онъ всю жизнь занимался имъ. «Да кто же вы, любезный другъ, и гдѣ учились?»—Я, отвѣчалъ онъ съ величайшимъ спокойствіемъ, *сынъ здѣшняго крѣпостнаго крестьянина*, а учился-то я... ну, учился сначала въ нашей фабричной школѣ читать, писать и считать, а потомъ года три ходилъ въ приходское училище въ Екатеринбургѣ.—«Но, скажите ради Бога, развѣ можно вынести изъ приходскаго училища все это образованіе, всѣ эти ученыя познанія, какія вы имѣете»?—Ну, если въ самомъ дѣлѣ есть у меня кой-какія познанія, то я самъ помаленьку учился, да и теперь еще каждый день чему-нибудь учусь. Видите, я былъ такъ счастливъ, что прямо изъ школы взятъ былъ писаремъ на Графскую контору въ Москвѣ. Какъ я обглядѣлся тамъ немножко, то и увидѣлъ, что если хочу я быть полезнымъ человѣкомъ, то надобно мнѣ еще гораздо болѣе учиться и знать, нежели сколько я зналъ. Вотъ я и пользовался каждою свободной минутой отъ господской работы, чтобы, какъ можно болѣе, читать и узнавать о томъ и о дру-

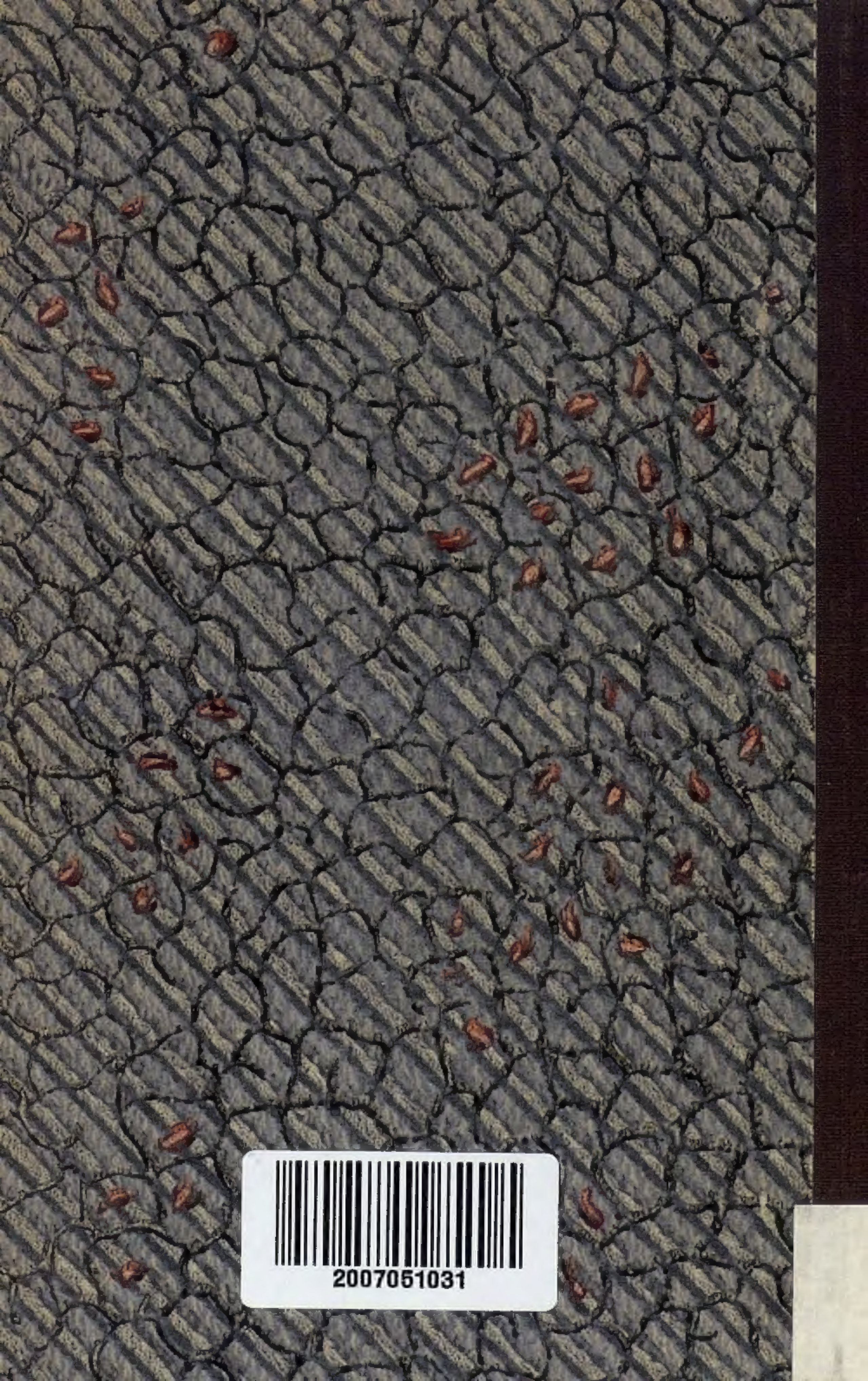
гомъ. Гувернеръ графскихъ дѣтей — награди его Богъ! — полюбилъ меня, давалъ мнѣ читать хорошія и полезныя книги, объяснялъ мнѣ то, чего я не понималъ, и ободрялъ мое прилежаніе. Черезъ три года представилъ онъ меня Графу, который опредѣлилъ меня на здѣшнюю контору. Здѣсь-то служа, я помаленьку изучилъ все въ нижнихъ должностяхъ, и это точное, практическое изученіе вѣрно принесло моему господину гораздо болѣе пользы, нежели то, чему я выучился изъ книгъ. По-настоящему, надобно всегда выбирать въ Главноуправляющіе только такихъ людей, которые дослуживаются до этаго званія съ нижнихъ должностей, потому-что только такіе въ состояніи узнать цѣлое во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ его и съ успѣхомъ противостать тѣмъ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и уловкамъ, которыми — не смотря на лучшія и благодѣтельнѣйшія постановленія помѣщика — бѣдный крестьянинъ все-таки угнетается, а иногда и совсѣмъ разоряется; потому-что кто самъ не былъ довольно времени посреди всего этаго и не видѣлъ всего своими глазами, тотъ не въ состояніи будетъ помочь и съ самою чистою волею: онъ не знаетъ дѣла. Я былъ такъ счастливъ, что удовлетворилъ всѣмъ ожиданіямъ моего господина: онъ сдѣлалъ меня Главнымъ Управителемъ и подарилъ свободу. Вотъ уже сколько времени я управляю имѣніемъ моего благодѣтеля, который удостоиваетъ меня своей полной довѣренности — и Богъ помогъ мнѣ! Мужички сдѣлались зажиточнѣе,

доходы значительно увеличились, и нѣтъ никакихъ жалобъ. — «И такъ все это время провели вы въ этой пустынѣ! Однако жъ это должно быть ужасно— съ вашимъ образованіемъ жить въ такомъ совершенномъ удаленіи отъ свѣта и не видѣть никого, кромѣ людей самыхъ грубыхъ.» Съ чувствомъ высокаго умиленія онъ посмотрѣлъ на меня, и сказалъ: — Всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вы меня видите и что я имѣю, я обязанъ Графу, доброму господину моему; онъ далъ мнѣ средства кой-чему научиться; далъ мнѣ богатое содержаніе, воспитываетъ сыновей моихъ быть способными слугами Государя — и, что всего выше для меня, онъ удостоиваетъ меня своей полной довѣренности; послѣ всего этаго я былъ бы самымъ негоднымъ человѣкомъ, если бы какая-нибудь малѣйшая услуга моему благодѣтелю могла казаться мнѣ тягостною. Вѣдь все это прахъ въ сравненіи съ тѣми безчисленными благодѣяніями, какія я получилъ отъ него. Впрочемъ я здѣсь очень счастливъ: дѣла у меня вдоволь; мое общество и увеселенія составляютъ жена и дѣти, книги, садикъ мой— я и въ Петербургѣ не могъ бы жить иначе, не могъ бы жить довольнѣе, нежели здѣсь, гдѣ мнѣ никто не мѣшаетъ, никто не досаждаетъ. А кромѣ того, все, что окружаетъ меня здѣсь, есть мое твореніе; этотъ домъ, садъ, та церковь, въ которой по воскресеньямъ я молюсь за моего благодѣтеля, школа, въ которой я приготовляю ему, какъ умѣю, добрыхъ и честныхъ слугъ, всего этаго до меня не было, я создалъ

это, а 17,000 крестьянъ, моихъ собратій, которые приходятъ ко мнѣ съ любовію и довѣренностію за совѣтомъ и охотно слушаются, потому-что увѣрены въ добрѣ, какое я желаю имъ: о! все это стоитъ гораздо дороже, нежели радости большаго свѣта! Я былъ бы очень несчастливъ, если бы промѣнялъ на нихъ мой маленькій, тихій міръ! —

Да, это примѣчательный человѣкъ! Въ продолженіе нашего разговора сообщилъ онъ мнѣ разныя, чрезвычайно интересныя черты изъ жизни и занятій здѣшнихъ крестьянъ, и—что отличаетъ его, какъ истинно-образованнаго человѣка — все оригинальное, или характеристическое въ этихъ чертахъ, не сдѣлалось для него обыкновеннымъ, или не ускользнуло отъ него: онъ наблюдалъ и умѣлъ цѣнить его.

Russische Miscellen zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner. IV Bändchen. 283.

2007051031